

В РУСЛЕ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

В. М. Акаткин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 ноября 2015 г.

Аннотация: *в статье анализируется монография профессора А. Б. Удодова «Роман “Тихий Дон” как эстетическая реальность: феномен самоорганизации», рассматриваются современные проблемы шолоховедения.*

Ключевые слова: *роман-эпопея, синергетический подход, казачество, гражданская война, система персонажей и др.*

Abstract: *the article analyzes the monograph of Professor A. B. Udodova «The Novel “And Quiet Flows The Don” as an aesthetic reality: the phenomenon of self», considers the current problems of shilohouette.*

Key-words: *epic novel, synergistic approach, the Cossacks, the civil war, the system of characters, etc.*

Два великих писателя ушедшего века – М. Горький и М. Шолохов, щедро наделенные народной молвой, легендами и мифами, на долгие годы стали центром притяжения научных интересов профессора А. Б. Удодова. И не только потому, что вокруг этих имён гремит, словно громовые раскаты, незатихающая полемика, но и потому, что они отметились в литературе глубиной вспашки жизненного поля и всесторонним познанием человека. Их творческое наследие стало общепризнанным феноменом культуры, как бы второй реальностью, которая воздействует на людей с той же силой, что и первородная. И оно требует, несмотря на горы написанных книг и статей, все новых и новых объяснений, в которых явилась бы последняя, окончательная правда.

Параллельно с изучением этих писателей в работах А. Б. Удодова шел интенсивный поиск новой, более эффективной, современной методологии, без применения которой не раскрыть накопившихся загадок и гордиевых узлов культурных феноменов большого масштаба. Этот поиск привел к использованию возможностей синергетического подхода, к рассмотрению литературных явлений как феноменов самоорганизации. Применительно к Горькому это обращение к проблеме формирования творческой индивидуальности писателя как самоорганизующейся системы, а в случае с Шолоховым – рассмотрение отдельного произведения (части этой системы) как эстетической реальности в ее взаимодействии с реальностью исторической. При этом решаются и проблемы горьковедческих работ, такие как национальная идентичность и русская картина мира. Не обходится вниманием и вопрос об авторстве «Тихого Дона», но для А. Б. Удодова он представля-

ется изначально решенным в пользу М. Шолохова. Его новая книга аккумулирует результаты 20-летней работы над «шолоховской» темой (первая публикация появилась в 1995 г.), она вбирает в себя горячую атмосферу дискусионности, витающую вокруг «казачьего Гомера».

Пришла пора, считает А. Б. Удодов, свести начала и концы, увидеть в «Тихом Доне» целостную картину русского мира во всем ее величии и драматизме, в полноценном эстетическом воплощении природного гения. Преодолеть односторонний, «лагерный» подход к роману, т. е. смотреть на него либо из красного, либо из белого угла. Ибо неизбежно возникает искривление картины мира, непонимание или искажение авторской точки зрения, панорамной и объективной по преимуществу. «Неистовые ревнители» советских времен и всяческие энтузиасты-ниспровергатели автора и его детища таких нагородили подозрений и обвинений, таких наломали дров, что к роману уже трудно подступиться без сопровождающего. Он должен быть вооружен «золотым ключиком» – навыками многоаспектного анализа феномена культуры, когда учитываются особенности биографии автора, его национальная идентичность, реалии исторической и природной жизни, народное миропонимание, семейный и общественный уклад, традиции, язык и т. д. Изучение такого феномена, как «Тихий Дон», требует особой методики анализа и стиля мышления, в ходе которого акценты смещаются «с анализа структуры сложноорганизованных объектов – к анализу динамики их развития» [1, 5]. Тут потребуются обращение и к гуманитарному, и к естественнонаучному знанию. Такая методика опробована Удодовым в работе созданной им Научно-практической лаборатории по изучению литературного процесса XX века.

Эстетическая реальность романа рассматривается в монографии не только в «социально-историческом контексте эпохи», но и в процессах «социально-эстетического функционирования произведения», его восприятия «на протяжении большого исторического времени» [1, 7–8]. Это закономерно приводит к более объемным, глубоким и полноценным знаниям о романе. Эстетическая реальность – это не только законченный и наглухо закрытый текст, но и всякие приращения к нему в читательском обороте, при котором происходит взаимодействие смыслов и ценностей двух реальностей: жизненной и эстетической. Читательские оценки романа, по преимуществу положительные, как свидетельствует книга Н. В. Корниенко [2], не могли не скорректировать оценки романа и главного героя в критике.

Об эстетической реальности «Тихого Дона» писали, правда, в общем плане, без аналитического углубления в текст, П. Палиевский и В. Кожин. «Кажется, что это сама жизнь, сумевшая мощно о себе заявить, – считает П. Палиевский... – Собственно об искусстве тут говорить нечего... Не всегда понятно, что в этом, может быть, и есть высшее искусство, отчасти забытое» [3, 267]. То есть искусство, не переходящее в искусственность, в оригинальничанье, в зеркальную болезнь – обращенность на само себя. По словам В. Кожина, роман «предстает как сама мощно заявившая о себе жизнь» [4, 59]. И далее: «В “Тихом Доне” действительно как бы говорит о себе сама жизнь, что заставляет вспомнить о Гомере и Шекспире. Творец художественного мира “Тихого Дона” словно полностью растворился в этом мире» [4, 59–60]. Не отсюда ли и споры об авторстве романа, как в случае с Гомером и Шекспиром? «В этом произведении, – заключает В. Кожин, – как бы нет “искусства” в популярном сейчас смысле слова» [4, 62]. Тогда в чем же его эстетичность? Наверно, она не в формальной навязчивости, не в технической изощренности, а в глубинных пластах текста, незримо действующих на читателя? И как выявить, благодаря каким средствам жизненная реальность преобразуется в реальность эстетическую?

Заявив о принципах синергетического подхода, А. Б. Удодов приступает к решению пресловутых «шолоховских вопросов», прежде всего к «лично-творческой идентификации автора». Как получилось, что писатель-классик, прославленный по всей земле, до сих пор не имеет научной биографии, академического собрания сочинений, свода воспоминаний современников? «Все это превращает писателя, – замечает Удодов, – в одну из самых таинственных фигур в русской литературе XX столетия» [1, 10]. Вот и вихрятся вокруг него те самые «шолоховские вопросы», «черные» и «белые» пятна, «невывранные тайны», наветы и разоблачения, а то и неприкрытая ненависть. В чем видит Удодов тра-

гедию Шолохова? В том, что он физически пережил и слияние с мифом, и отторжение от мифа, но не сумел перечеркнуть все нападки на себя и замолчал как писатель задолго до ухода в мир иной. Надо ли изучать эту околосредовую возню, ядовитые толки о плагиате? С. И. Сухих насчитал шесть витков обвинений в воровстве, более десяти действительных «авторов» «Тихого Дона» (с 1928 г. по 90-е), два покушения на Шолохова и ко всему этому массу других уличений и попреков [5]. А ведь нашли же рукописи двух первых томов романа, а о трехстах страницах четвертого тома сообщает Сталину из Вешенской 16 сентября 1937 года В. П. Ставский, в то время генеральный секретарь СП СССР. При этом он добавляет важную подробность: «М. Шолохов рассказал мне, что в конце концов Григорий Мелехов бросает оружие и борьбу. – Большевиком же его я делать никак не могу» [6, 70]. Еще об одном «авторе» сообщает сам Шолохов в письме Сталину от 16 февраля 1938 года (уникальном по объему – 20 страниц!): «Начальник РО НКВД Меньшиков, используя исключенного из партии в 1929 г. троцкиста Еланкина, завел на меня дело в похищении у Еланкина ... “Тихого Дона”. Брали, что называется, и мытьём, и катаньем» [6, 80]. «Брали» за то, что Шолохов защищал крестьян от жестокой политики местного начальства по проведению хлебозаготовок. Страшные безобразия, творящиеся на Дону, напрямую влияли на работу над романом, в чем он признается Сталину: «За пять лет я с трудом написал полкниги. В такой обстановке, какая была в Вешенской, не только невозможно было продуктивно работать, но и жить было безмерно тяжело» [6, 105]. Тем не менее в первой половине декабря 1939 г. он имел основание доложить Сталину: «На днях после тринадцатилетней работы, я кончаю “Тихий Дон”» [6, 129], а 29 января 1940 г., будучи в Москве, пишет ему: «Привез конец “Тихого Дона” и очень хотел бы поговорить с Вами о книге» [6, 129]. Перечисленные факты, как и многие другие, способны отвести от Шолохова всякие обвинения в литературном воровстве и заставить злопыхателей прикусить язык. Понимания и сочувствия с их стороны ожидать не приходится...

Ненависть к Шолохову испытывают не только элитарно-либеральные круги, не получившие в романе благосклонного изображения, но и писатели из демократического лагеря, что с трудом поддается объяснению. Напрашивается одна, не очень высокая, причина: зависть к Шолохову-художнику, безнадежность соревнования с ним в созидании эстетической реальности. Думается, этим болел и А. Солженицын, и В. Астафьев, запальчиво заявивший: «Самым счастливым днем моей жизни будет день смерти Шолохова» [цит. по: 5, 5]. Подозрительность партийно-советских властей вызывало, на мой взгляд, одинаково объективное отношение автора к белым и красным, потому что и те, и другие для его эпического

видения – народ, переживающий трагическую полосу раскола и перерождения. Более того, Шолохов не только во всей правде показал антигуманные, мстительные дела и поступки проводников политики революционного насилия, но и подверг сомнению стремление придать этой политике статус новой религии, чтобы обуздать ею народные массы, превратить их в рабов. Шолохов со своим героем не обратился в новую религию и не поклонился новым богам. Им руководила в «Тихом Доне» верность заветам русской классики, стремление соблюдать, по словам Н. В. Корниенко, уровень «сакрального горизонта правды-красоты и горизонта преодоления ненависти и раскола в человеке и народе» [2, 106]. В этом стремлении и рождалась эстетическая реальность «Тихого Дона» – художественно прекрасная, неопровержимо правдивая и человеческая. Надо ли подстегивать насилием, разворачивать, разрушать устоявшуюся народную жизнь ради неведомых утопических целей? Это право присвоили себе «избранные богом» цивилизаторы и даже целые государства. В первом томе романа предстает перед нами устоявшаяся народная жизнь, сложившаяся по законам истории и природы. Но революционные идеи, словно бродильные микробы, взбухают и разлагают ее. Отсюда трагическое напряжение борьбы и ненависти в художественном мире романа.

Положение «Тихого Дона» в литературном космосе XX века особое: с одной стороны – Серебряный век с его эстетизмом и элитарностью, с другой – перенасыщенная, словно соляной раствор, революционной идеологией советская литература. Шолохов поразил всех своим жестоким реализмом, бескомпромиссной первородной правдой, нигде не вышедшей из-под власти художника. И это показалось настолько неожиданным, до такой степени невероятным, что созданное Шолоховым посчитали плагиатом. Но «Тихий Дон» открыл истинный, где «дышит почва и судьба», а не литературноватый XX век. В нем жизненная правда стала искусством, а искусство не побоялось обнаженной правды, от которой многие хотели бы отвернуться, видение художника оказалось не узконаправленным, а панорамным и предельно объективным...

В первой главе монографии А. Б. Удодова на переднем плане проблема «лично-творческой идентификации автора» романа – один из главных «шолоховских вопросов». При всей широчайшей признанности писателя постоянно «обнаруживаются некие странности, нетипичные для восприятия “классика”» [1, 10]. Какие же? Неподатливость для четкого определения его творческой индивидуальности. Скрытность творческого процесса, то его невероятные ускорения, то замедления и даже длительные остановки – в письмах к Сталину этой скрытности нет [см. 6]. Непроясненность источников фактологической базы романа. Неуверенность ис-

следователей в каноничности текстов шолоховских произведений и многое другое. Все это и порождает недоказанность любых доказательств: на факты смотрят, но не видят их. Ко всему прочему необходимо различать легенды и мифы, возникающие по незнанию фактов и созданные преднамеренно, с разоблачительными целями. А истина таится в самом тексте романа, и простой читатель с первой страницы доверился ему.

Что касается социокультурной идентификации казачества, т. е. исторической правды «Тихого Дона», о чем идет речь во второй главе, то правда эта усилениями многих ученых, воспоминаний участников событий так или иначе подтверждена. Но художественная правда – принадлежность Шолохова, она индивидуальна и неповторима, ее не с чем сравнить. И сила ее не в жизнеподобии, а в эстетическом воздействии на читателя, в способности заражать его образами, мыслями, чувствами. Если не художественно, если не убеждает и не потрясает, значит и не правдиво, значит историческая правда не преображена в правду художественную. Правду шолоховского романа А. Б. понимает не как простое правдоподобие («как в жизни»), а как его «формально-содержательную идентичность первоосновам “национальной жизни и духа”» [1, 21]. Здесь возникла необходимость опереться на работы Н. Бердяева, видевшего особенность русской литературы в том, что она искала «совершенной правды жизни», тогда как западная литература – «совершенных продуктов творчества». Сказано броско, афористично, но не в точку, ибо в высочайших созданиях русской классики «совершенная правда жизни», как правило, находила воплощение в «совершенных продуктах творчества». На этой высоте совершается преображение реальности исторической в реальность эстетическую и в «Тихом Доне». Иного народ не принял бы, как он не принял авангардные пьесы первых лет революции, предпочтя им Островского.

Другой уровень рассмотрения – это соотношение «правды-истины» и «правды-справедливости», заданное Н. Михайловским. Правда-справедливость, пишет Удодов, представала в литературе в формах правдоискательства, а правда-истина диктовала «свой особый аспект изучения: проблему исторической правды “Тихого Дона”. Вставал вопрос о степени достоверности и адекватности его содержания конкретно-историческим реалиям эпохи» [1, 21]. Дело тут отчасти в том, что многие события революции и гражданской войны властям приходилось скрывать, а Вешенское восстание считать несуществующим, пока Шолохов не убедил в обратном. Но ведь «Тихий Дон» – не исторический роман и не ученый трактат. И если его прочитал человек, ничего не знающий о Вешенском восстании, разве он не может судить о его правдивости? Разве нет «правды-истины» в вымысле, в художественной фантазии?

Удодов уместно сравнивает две книги, выпущенные одним и тем же издательством в одном году, но с противоположными названиями: С. Семанов. «Тихий Дон»: «белые пятна». Подлинная история главной книги XX века. И С. Корягин. «Тихий Дон»: «черные пятна». Как уродовали историю казачества. Для С. Семанова «Тихий Дон» – «истинная Илиада нашей революции», «историческая проза». С. Корягин, напротив, не принимает историческую подоснову романа: «К действительности это не имеет никакого отношения». Возможность появления столь полярных оценок говорит о проблематичности установления адекватности романских событий историческим, ибо тут вступают в права законы восприятия и законы искусства. Образ, говорил А. А. Потебня, стабилен, а значение его текуче, изменчиво, оно зависит от воспринимающего. Д. С. Лихачев утверждал, что на одно и то же произведение возможны несколько точек зрения, и все они могут быть справедливы. Оценка реальных событий не так вариативна, к тому же она требует доказательств.

А. Б. Удодов намеренно уходит от однозначности в толковании перечисленных философско-эстетических категорий. В рамках синергетического подхода степень адекватности эстетической реальности произведения «реальности конкретно-исторической» должна быть прояснена на уровне аксиологических оснований, отражающих определенные общие константы и закономерности» [23]. Не поиск частных совпадений или расхождений должен занимать исследователя, а прояснение «ценностных универсалий». Это и будет способствовать сегодня «нахождению ответа на, может быть, главный “шолоховский вопрос”: что сообщает “Тихому Дону” масштабы национального эпоса, в чем истоки общепризнанной народности произведения» [23].

Казачество в монографии Удодова высвечено со всех сторон (история, география, природа, быт, занятия, психологический склад, нравы, обычаи и т. д.). Оно предстает «своеобразным “индикатором” общероссийских процессов, по-своему маркируя их динамику в целом» [24]. Вопрос о социокультурной идентификации казачества встает как актуальная «научная задача междисциплинарного характера, без ее решения не раскрыть тайны “Тихого Дона”. Казачество как национальный феномен образовалось на уникальном пересечении времен, культур, этносов, своего и чужого, полагает автор монографии. В миниатюре это хутор Татарский и мелеховский двор со всеми его связями и взаимодействиями. На этом перекрестье и нужно искать разгадку характеров и событий на Дону в начале XX века: насильственное нивелирование ... множественности социокультурных оппозиций», подмена «большого диалога» форматом классовых конфликтов, приведение всего и вся к общему знаменателю, что и привело к революционному взрыву. Анализ социальной

структуры хутора Татарского свеж и убедителен, особенно соотношения в нем стабильного и неустойчивого. Это закономерно приводит к проблематике четвертой главы.

Здесь не только анализ устоявшегося корпуса текста, но и его динамики: авторская правка, цензурные изъятия, вмешательства редакторов, исчезновение и появление имен, задержки в публикации и т. п. Помимо этого ведется анализ «шума времени» – всего, что происходило вокруг создающегося романа, чем наполнялись, словно парус ветром, его страницы.

А. Б. Удодов справедливо замечает, что неоднозначность оценок романа во многом предопределена сложностью характера и полярностью поступков главного героя. Споры вокруг «Тихого Дона» – это как бы продолжение гражданской войны в общественном сознании. Высокий градус ненависти, разогретый большевиками и «неистовыми ревнителями» всяких мастей, многим слепил глаза. Мелехова клеймили отщепенцем, изгоем, врагом, бандитом, заблудшим, морально падшим, духовно опустошенным и т. п. Однако простые читатели почувствовали в нем «очарование человека», которое вложил в него автор. В годы оттепели отношение к нему меняется, в нем уже видят героя-правдоискателя, лучшего представителя народа, несущего за всех тяжкий крест судьбы. А в постсоветские годы, не без иронии замечает Удодов, появляется миф о нем как об искателе общечеловеческих ценностей, святом мученике и провидце.

Анализ текста романа, kloкочущих событий на Дону, путей и перепутий Григория Мелехова (в параллели с судьбой его прототипа Харлампия Ермакова) убеждает в том, что правда главного героя многослойна: и общенародная, и красная, и белая, и казачья, и личная. Удодов со знанием дела привлекает внетекстовый материал, другие виды искусства, своими средствами воплотившие его характер и судьбу (кино, театр, опера, балет). Многоликость его воплощений – хлебопашец, воин, казачий Гамлет, предводитель восставших, герой-любовник, муж и отец, национальный тип и т. п. – все эти трактовки свидетельствуют о расширении словесной ткани романа и о прорывах героя «в широкое поле культуры» [1, 93]. Здесь как раз и потребуются использовать возможности синергетического подхода, которые Удодов умело применяет в анализе «Тихого Дона». Благодаря взаимопроникновению исторической и эстетической реальности роман как бы удваивается в своей правде-истине и значении, обретая особое положение в литературном цехе. Отсюда и зависть, и конкурентная борьба, и запрещенные приемы.

Шестая глава монографии, пожалуй, самая близкая к словесно-образной материи текста, к его строению и содержанию. Именно такой близости явно

не хватает в новейших работах о романе, занятых другими вопросами. В движении текста Удодов видит волнообразное движение мелеховского сознания, в фарватере которого – «освобождение от иллюзий, освобождение от теней духовного безумия социально расколотого мира» [1, 102]. Думается, это движение продолжается и поныне, иначе Удодов не пришел бы к такому многозначительному выводу.

Анализ родового и видового в персонажах романа на примере однододков и однокашников Григория Мелехова (Дмитрия Коршунова и Михаила Кошевого) выявляет всю переплетенность, породненность и конфликтность их существования. Они не только ровесники, друзья, родственники, но и враги, виновные в смерти членов семьи. Избранный Удодовым аспект анализа приоткрывает завесу над породнением и противостоянием не только внутри хутора Татарского, но и внутри всего народа. Это же PRO ET CONTRA стало законом построения художественного мира шолоховского романа, ключом к тайне «Тихого Дона». Мелехов стоит в центре этой породненно-враждующей троицы, как и в центре всего романа. К нему идут все потоки мыслей и настроений, все радости и боли, оттого он так сложен, так органичен и противоречив одновременно. Михаил Кошевой, по словам Удодова, «самый, пожалуй, яркий в романе пример утраты личностного начала, подмена его “классовой правдой”» [1, 111]. В нем тяготение к однозначности, служение идее, прямая и беспощадная линия жизни, напоминающая оголенный электрический провод. Кошевой убивает Петра Мелехова и деда Гришаку, Митька Кошевой уничтожает семью Кошевого, Григорий поневоле губит Наталью Коршунову, свою жену. Этот триумвират однохуторян олицетворяет собой, делает вывод Удодов, «противоречивое целое феномена казачества» [1, 112]. Через эту триаду, словно через магический кристалл, видится все, что происходит в «Тихом Доне». Кроме мужского триумвирата Удодов выделяет триумвират женский: Аксинья – Наталья – Дарья, в центре которого Аксинья. В нем тоже свои «заморочки», работающие на раскрытие феномена казачества. Только вместо Дарьи я поставил бы Дуняшу – она более значимая фигура в смысловом поле романа.

В седьмой главе Удодов обращается к философской и глобально-исторической проблематике «Тихого Дона»: Восток-Запад-Россия, Русская картина мира, соборность, славянофилы-западники и т. п., то есть к главным направлениям, по которым движется в полемике современная русская мысль. Эту главу можно посчитать ответом автора монографии на упреки Шолохова в слабости философского начала в «Тихом Доне», что опровергается всем ходом анализа.

Завершает монографию глава восьмая – «Феномен странничества как национальный тип личностной самореализации: культуругенез и конкретно-об-

разное воплощение». «За всю историю восприятия “Тихого Дона”, – свидетельствует А. Б. Удодов, – указанный аспект практически не фигурировал» [1, 141]. И не мог, не должен был фигурировать. Слишком накалены, слишком властно забирали в себя события «Тихого Дона», чтобы отпустить человека в странствование по городам и весям, чтобы дать ему свободу быть одному, ни с кем, как Луке в пьесе М. Горького «На дне». Более того, в шолоховском мире ненавидят того, кто нейтрален, кто сам по себе, вне борющихся сторон. Странник – ничей, посторонний, его бы призвали или просто прихлопнули, чтобы не мешался под ногами. В категорию странника-преобразователя Удодов зачисляет Штокмана, Бунчука, Гаранжу. Но они скорее воспламенители, катализаторы событий, апостолы, мессии, жизненное кредо которых – силовое изменение существующего порядка вещей. И Григория вряд ли можно назвать странником, он не «уходит», а сражается, воодушевленный либо красной, либо белой правдой. Из Татарского он не уходит, а бежит от злобного возмездия, но даже побег ему не удался, смерть Аксиньи и утрата намеченной цели развернула его в банду Фомина. Оттуда он возвращается к родному куреню, к родному сыну, а у странника нет ни того, ни другого...

Выводы, сделанные в Заклчении, напоминают как о высоком уровне исследования, о его методологической вооруженности и академической выдержанности стиля, так и о творческой стратегии Шолохова, победно устремленной к эстетическому воплощению правды жизни и полнокровного человека, наделенного сердечным авторским очарованием. Здесь высказаны важные мысли о современном бытии романа, который «с течением времени начинает в известной мере дистанцироваться от биографической личности автора-творца ... и жить собственной жизнью» [1, 149]. А это означает. Что досужие домыслы об авторе, о заимствованиях чужих текстов и плагиате отпадают, как налипший сор, и роман «Тихий Дон» является нам во всей мощи и чистоте. Вокруг него формируется новая, более широкая эстетическая реальность, она включается в пространство мировой культуры, о чем говорят многие страницы монографии А. Б. Удодова. Думается, она займет свое надежное место в ряду лучших работ о М. Шолохове и достойно вступит в диалог с новейшими исследованиями...

ЛИТЕРАТУРА

1. Удодов А. Б. Роман «Тихий Дон» как эстетическая реальность : феномены самоорганизации : монография / А. Б. Удодов. – Воронеж, 2015. – 182 с.
2. Корниенко Н. Читатели и нечитатели Михаила Шолохова (Опыт комментария) / Н. Корниенко. – Воронеж, 2004. – 185 с.
3. Палиевский П. В. Литература и теория / П. В. Палиевский. – Изд. 2-е, доп. – М., 1978. – 283 с.

4. Кожин В. В. «Тихий Дон» М. Шолохова / В. В. Кожин // Мир Шолохова. – 2014. – № 2.
5. Сухих С. И. Споры об авторстве «Тихого Дона». Из лекций по спецкурсу «Проблемы творчества Шолохова» / С. И. Сухих. – Н. Новгород, 1999. – 79 с.
6. Писатель и вождь. Переписка М. Шолохова с И. Сталиным. 1931–1950 : сборник документов из личного архива И. В. Сталина. – М., 1997. – 159 с.
7. Колодный Л. Кто написал «Тихий Дон». Хроника одного поиска / Л. Колодный. – М., 1995. – 447 с.
8. Осипов В. Тайная жизнь Михаила Шолохова. Документальная хроника без легенд / В. Осипов. – М., 1995. – 415 с.
9. Прийма К. «Тихий Дон» сражается / К. Прийма. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1975. – 542 с.
10. Семанов С. Н. «Тихий Дон» – литература и история / С. Н. Семанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1982. – 239 с.
11. Семанов С. Н. В мире «Тихого Дона» / С. Н. Семанов. – М., 1987. – 253 с.
12. Отлучение национального гения. Открытое письмо // Литературная газета. – 2004. – 9-15 июня. – № 23. – С. 9.

*Воронежский государственный университет
Акаткин В. М., доктор филологических наук, профессор
кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора
E-mail: msv2012kafedra@yandex.ru*

*Voronezh State University
Akatin V. M., Doctor of Philology, Professor of the Russian
Literature of XX and XXI Centuries, Theory of Literature and
Folklore Department
E-mail: msv2012kafedra@yandex.ru*